

Краткий Путеводитель по *Глаголандии*.

1. Общие Сведения.

Государство *Глаголандия* расположена на обширной плоской равнине между *Родной Речкой* и окружающими страну скалистыми синими горами. Горы эти на старинных глаголандских картах обозначались как *Горы Непроизносимого*.

Сложная система каналов расходится от *Речки*. Всё, что прорастает в стране, питается её живительною влагой.

Изпод Речкою кружатся алчно в клубах густого, горячего пара иссиня-серые сирины и алые алконосты. Их хищные тени со свистом тяжёлыми крыльями разрезают белую мякоть.

Никогда не смолкающий шум глубинной просодии и эвфонии, мощные потоки льющихся гласных, где, наталкиваясь на ударения и рассыпаясь тысячами цветных брызг, мечутся беспомощные фонемы и скользкие тоны, слышны отсюда по всей стране.

На другом берегу до самого горизонта тянутся *Прязыковые Болота*, в которых всё время рождается новая и безязыкая жизнь. Влажные, бессмысленные звуки засасывают тех, кто туда попадают.

Вдоль набережной каменный парапет, поросший плесенью, пунктирная линия луж, скамеек и скульптур 33х детей кириллицы.

Малоодушевлённые глаголы (совсем неодушевлённых в стране нет) втуне, всуе и вотще накапливают здесь духовный опыт, рассматривают блестящих речных гадов и электрических рыб в потоке. Задумчиво помешивают остриями зонтов свои отражения в морщинистых зеркальцах луж, *буриданствуя* о природе *Глаголандии* и о свободе выбора.

Вечером, когда они расходятся по домам, лужи прячутся в асфальт, но утром, как только восходит солнце, снова проступают на тех же местах, терпеливо поджидая своих малоодушевлённых *буриданцев*.

На парапете, свесив длинные ноги в *Речку*, сидят *кайфоловы*, и целыми днями терпеливо пытаются выудить на рифму из потока просодии новые созвучия.

Мимо них торжественно проплывают разукрашенные цветными флажками, экскурсионные *визгоходы* – маленькие трюетрубые пароходики, увешанные со всех сторон восхищённым детским визгом.

Выше по течению за высокими заборами пляжи-*нагишатники* для *голословных дзен-нудистов*, которые пытаются достичь просветления, трансцендентально медитируя в голом виде. Целыми днями угрюмо наблюдают они, как *поток просодии* смывает грязь с глаголандского берега. Всё глубже и

глубже погружаются в себя, в свои блестящие голые тела. С появлением первой звезды они умывают дух свой чистой водой *Родной Речки* и расходятся по домам.

Визгоходы проплывают в *потоке просодии* мимо *нагишатников*, лихо заломив дым над трубами, издают приветственное гудение. Детишки высыпают на борт, замолкают, с испугом и любопытством рассматривают *голословных медитаторов*.

Иногда туши безымянных, живущих в *Болотах*, с отчаянным рёвом бросаются с обрыва в бурлящий *поток просодии*. Тем из них, кому удаётся *прижизниться*, переплыть *Речку*, дают имя для новой жизни, ибо в *Глаголандии* не должно быть неназванных, и они становятся *глаголандцами* или *глагами*, как называют себя коренные жители страны. (Хотя у всех *глагов* есть имена, отчества нет ни у кого. Живут они долго и родства не помнят. Почти все знают друг друга. Новые рождаются редко, но старые слова часто можно увидеть в новом свете).

У подножия *Гор* сразу за чёрным частоколом кириллицы начинается дремучий *Лес Тёмных Метафор*. Ключья белого света, как огромные лилии, мерцают в его глубине.

Здесь по ночам, обдирая кожу, бродят между корней и коряг набухшие лунным сиянием стада одичавших терминов вместе со своими готовыми на всё прилагательными и личными *местоимениями*. Сквозь липкий туман испарений носятся со свистом летучие мыши, упыри, нетопыри и прочая глаголандская нечисть. Шевелятся кишачие флексиями поэтические тропы и тропинки. Тени хищных растений миллионами волосатых рук хватают, тянут к себе. Термины вырываются, продолжают идти, оставляя за собой красную россыпь следов, тихими беззащитными сапами крадутся посапывая к мерцающим лилиям далёкого света.

По воскресеньям на них устраивают облавы и тех, кого удаётся поймать, помещают в спецпсихбольницу.

За *Горами Непроизносимого*, там где тот свет сливается с этим, расположен *Дальний Сутистан* - мёртвая страна вещей в себе и чистых сущностей, о которых достоверно известно только то, что они есть. Многие глаголандские учёные считают, что их предки пришли из этой страны. Из *Сутистана* ведут также свою родословную и числительные глаголы (*числословы*).

Описания *философов-сутистов*, утверждающих, что они (в духе своём) побывали в *Сутистане*, понять невозможно, несмотря на их огромный объём и внушительную *окантовку* длинными цитатами из *Канта* в начале и в конце текстов.

Одна единственная, всегда усыпанная солью дорога («*Путь Слов*» или «*Виа Вербоза*», как её зовут иностранцы), соединяющая *Глаголандию* с остальным миром, вьётся в полях между *Речкой* и *Горами*.

Вдоль дороги неподвижно плывут по зелёному морю мачты высоковольтных передач, словно парусники со спущенными парусами.

Если смотреть с неба (в *Глаголандии* любят смотреть на себя свысока), выгоревшие от солнца кириличные буквы домиков на *Пути Слов* выстраиваются в главную фразу - «В начале было Слово».

Настоящий Путеводитель представляет собой введение в *филологическую географию Глаголандии*.

2. Население.

Население *Глаголандии* по одной из последних переписей (2003 г.) примерно 130,000. Численность населения быстро падает. *Родная Речка* мелеет на глазах.

В. Даль, которому принадлежит первое систематическое описание страны, в 1880 г. оценивал население в 200,000. Сегодня по подсчётам М. Эпштейна всего около 10,000 существенных слов, и только одна треть собственно глаголов являются переходными, активно участвующими в жизни. *Генница* страны, генетический фонд её лексем, всё беднеет и беднеет.

Хотя местные *силлабы* и *вокабулы* имеют нравы очень свободные, но при этом беременеют они редко, и рождение слова всегда большой праздник в стране. Праздник этот (*свадьбищенское обозначение*) отмечается в Соборе *Святой Грамматики* специальной службой, когда венчаются на Имя новый *глагол* и ему наречённая вещь. (Слова в *Глаголандии* обычно вступают в брак сразу после рождения, и в *брачно-гордиевских узлах*, которые при этом завязываются, не всегда сходятся концы с концами).

После *свадьбищенского обозначения* устраивают народное гуляние. Захмелевшие *глаголы* всю ночь шатаются по улицам, нанизывают на дыхание *новообра|ечённое* слово и обкатывают на разные лады его *уимянившееся* звучание.

Браки в *Глаголандии* очень прочные, и нередко *глаголы* растворяются полностью в своих наречённых. Так, например, в первый день *Глаголандского Карнавала*, когда слова надевают маски с новыми именами, в полночь происходит *световоплощение*, и слово «свет» превращается в свет. Через несколько секунд свет *отличинивается*, откладывает первые личинки, прорастает сиянием и начинает новую жизнь в зрачках собравшихся вокруг *глаголов*.

Кроме традиционных браков между обозначающими словами и обозначаемыми вещами встречаются также синонимические словосочетания, когда несколько глаголов *заменяют* одну и ту же наречённую им вещь, и групповые браки между двумя и даже тремя *фемияндрами-женомужами*, живущими вместе, как например, грамматический андрогин *Тыя* или широко известная в поэтических кругах семья *Одиночьюстих*.

Процессы *андрогинизации* и *гермафродизации* для достижения обоеполой цельности в последнее время захватывают большую часть глаголандской молодёжи.

Большинство населения работает в России на мелких должностях, где их собирают во фразы для обслуживания пользователей (писателей, журналистов, читателей, слушателей и пр.).

Пользователи записывают их мёртвыми значками на бумаге или произносят мёртвыми звуками, не подозревая об истинной глаголандской жизни слов, не подозревая, что *несущие*, безбытийные словоформы, которые они произносят, читают, слова, которым они так часто подражают - это только *тени живых глаголов*. Тени эти становятся видны или слышны, когда на слово направлены глаз смотрящего или ухо слушающего, и по тени о самом глаголе мало что узнать можно.

Миф о *бесплотности*, безтельности *глагов* до сих пор широко распространен среди пользователей. Миф этот возник из-за того, что истинной плотью слов являются их души.

Только те из *ословотворившихся*, кто (как лирический герой этого Путеводителя) сами переселились в *Глаголандию*, только те, кому со словами и без людей хорошо, те, кто полюбил слова, не за то, что они означают, и даже не за их звучание, а за них самих – только они узнают подлинную природу *глагов*.

Когда *ословотворившиеся* умирают, их хоронят в Соборе *Св. Грамматики*. Пол Собора выложен истёртыми каменными плитами с их именами.

Надо сказать, что связи между *глагоми* и их видимыми и слышимыми тенями всё больше ослабевают. Раньше каждое прикосновение к тени было важным событием в жизни *глаго*. Теперь слова почти не обращают внимания, когда и как их употребляют и как их коверкают. Учёные из *Глаголандского Университета* считают, что это ослабление связей, их безбытийность, являются признаками зрелости глаголандской цивилизации или даже указывают на начало её упадка.

Некоторые *глагои* ещё недавно занимали высокие посты на идеологическом фронте - жгли сердца, призывая к беспощадной борьбе. Сейчас эти *обезбоженные хаммо-советикус*, под серыми шляпами которых до сих пор тлеет их возмущенный еще в коммунистическом детстве разум, доживают свой век *в непрошедшем времени* на пенсии в специальных новоязовских *имяречниках* – домах престарелых для бывшего начальства.

Имяречники эти расположены в *Новой Глаголандии*, выстроенной после *Великой Октябрьской Социалистической Революции* 1917 года в характерном для той эпохи стиле *баракко*.

Вдоль широких и грязных проспектов над крышами полуразвалившихся *имяречников* кроны дыма торчат из красных кирпичных стволов, и между ними застыли в смертельных объятиях *огнедышащие драконы производительных сил* и *попадающие пламя драконы производственных отношений*.

Здесь верные *тленицы*, совсем недавно страшные Генсеки, Цкисты, Наркомы, Чекисты, Досаафы, Осовиахимы целыми днями, как дети, ползают на коленях, пытаясь нащупать новую общую почву у себя под ногами, или *вспятив* в так и не прошедшее для них время, вспоминают, как ходили на Логоса с одним партбилетом. Маленькие *мозговички* в кбешной форме, вживлённые в них ещё в пионерском *атеистовом* детстве, приплясывая, ворошат красными кочергами раскалённые уголья пролетарских идей в черепных коробках.

В огороженных зелёным штакетником сквериках возле *имяречников* до сих пор торчат, как застаревшие нарывы земли глаголандской, *вездебюсты* с бронзовым *ВождеЛениным*.

На выгнутых имперских скамейках вокруг *вездебюстов* пожилые, *вельмизадастые* учительницы истории партии и литературы, позабытые всеми *внебрачные дочери кириллицы и диамата* с гладко зачёсанными назад седыми волосами, поджав толстые губы, лениво чехвостят проходящих мимо *новорюссок*.

На жаргонных окраинах *Новой Глаголандии* раньше жило много блатных, отличавшихся друг от друга приставками, суффиксами и татуировками. Основных корней у их существительных слов было два – мужской и женский, и всего один *инцестуозный* собственно глагол между ними. Остальное составляли *междуматия*, вставляемые *ахульно*. Склонения и спряжения в этих вечно *наплеветнических фаллицизмах* были очень приблизительные, и законы лингвистики (также как и все остальные законы) почти не соблюдались.

Вследствие недавней смены парадигмы во время Великого Хапка, часть братвы сделала головокружительную карьеру, и вместе со своими наблатыканными малявами и *кентами-коммутантами* из мутировавших мгновенно коммунистов превратилась в уважаемых всеми *новорюссов* и перебралось в престижные районы. Их пересыпанная *инцестуозными маткоговорками* и *ахульными междуматиями* феня становится всё более популярной в элитных кругах.

В поле, сразу за *Новой Глаголандией*, ещё можно увидеть проржавевшую платформу, пакгауз за нею и густо заросшую травой железную дорогу, похожую на закопанную лестницу из обугленных шпал. Конец этой мёртвой *шпальницы* уходит глубоко в землю, в последнюю точку, где сходятся рельсы.

Когда-то тут круглые сутки, расталкивая воздух красными звёздами на носах своих паровозов, летели в лагеря Гулага поезда, до отказа набитые *эками-глагоми*. Бросали огромными лопатами в огненные топки сверкающий уголь бородастые, полуголые кочегары. Под ляганье буферов пила в тамбурах тёплую водку простодушная вохра. Вдоль насыпи, залитой электрическим светом, носились с лаем немецкие овчарки. Заунывные *зэчи* песни бились в задранные наглухо окна теплушек, и тени веток хлестали вагоны...

Начиная с 90х годов прошлого века в *Глаголандию* хлынуло огромное количество иностранцев, которые хотя и сильно потеснили коренное население, но вынуждены были принять здешние законы.

Надо сказать, что к иностранцам в стране всегда относились с большим почтением. (Например, у входа в *Глаголандский Университет* стоят два величественных памятника Владимиру Далю и Бодуэну де Куртене). Исключением был только период истеричной борьбы с космополитами в конце 40х – начале 50х годов прошлого века, когда *Гееннералиссимус* неожиданно ворвался в *Глаголандию* и начал наводить порядок в языкознании. В то приснопамятное время по всей стране с *недооббыдленных* инородцев публично срывали псевдонимы под *охлиное* улюлюканье глаголандских *толпарей*. Иностранные слова насильно *заменяли* словами исконно-русскими кондовыми, потом отправляли их в места отдалённые

очень, и глаголандский охлос, воинственная чернь её *охломонов-толпарей*, улюлюкала над кем скажут, ещё до первого слова начальства.

Тенденция к *костноязычию*, окостенению языка, начавшаяся в это время, продолжалась вплоть до начала 90х годов.

Несмотря на всю борьбу с космополитами и эмиграцию, несмотря на всю *некошерную духовную пищу*, которой им приходилось питаться с детства, в стране до сих пор сохранилась небольшая община *иудейных* ревнителей старого и живого, которые пытаются *проТорить*, проложить по Торе, свой жизненный путь, пытаются по искре собирать рассеянный в *Глаголандии* свет их Слова.

Древняя *талмудрость* их *раввинства*, их *всеюдность* - убежденность, что в глубине души, в самом начале религии, все *глаги* имеют иудейские корни - убежденность эта до сих пор живёт среди ревнителей.

Но *проТоренные* их *иудействия* часто вызывают раздражение у коренных глаголов.

Простые *глаги* живут в жуткой тесноте в одинаковых, похожих на соты, коммунальных квартирах, но при этом очень ценят свою экзистенциальную *одиночество*.

Вечно мычащее, (горе)мыкающее *местоимение* «мы» - один из самых презираемых обитателей страны. Вместо того, чтобы *мыбыть* – быть между собою на «мы» - в разговорах *глаги* обычно *ячат* своим Я.

Некоторые из *яиченников* отрастили огромное эго, которое уже не умещается полностью у них в душе. Среди этих *альтруэгоистов*, бескорыстно (и безнадежно) любящих себя, популярен, так называемый, *изменяемый мнемонизм* – монистическая точка зрения, согласно которой всё существенное исходит *из меня* и принадлежит *мне*.

Но даже те, для кого этот *изменяемый мнемонизм* и есть весь ответ, очень часто мучаются, пытаются понять, какой на него был вопрос. (Поиски вопросов под найденные ответы – любимое занятие в *Глаголандии*). С годами это *подответное вопроискательство* становится непосильной ношей для *альтруэгоистов*, которые вынуждены всё время таскать на себе своё раздувшееся эго.

Ибо иго *лагу* эго его.

По вечерам, когда уставшие *глаги* лениво и страстно разглагольствуют на кухнях, и *альтруэгоисты* задают свои вечные ответы, квартиры гудят, словно разбуженные ульи, и специально назначенные *силлабы* собирают *словесный мёд* их разговоров. На следующее утро они продают его на базаре, а иногда даже (и по более дорогой цене) в *Отделе Дознания Грамматической Службы*.

Глаголандская аристократия - однословия, каждое из которых уже особое литературное произведение - живёт в особняках недалеко от Университета. (В настоящем Путеводителе авторские однословия, например *Глаголандия*, выделены курсивом. Особая природа страны требует и особого языка для её описания. Лексика этого языка построена на однословиях).

Последние пару лет в районе однословий идёт большое филологическое строительство.

У каждого из однословий (как, впрочем, и у всего Путеводителя, и у его Составителя) свой лирический герой, связываться с которым не рекомендуется.

Остальные *глаголи* относятся к однословиям со смешанными чувствами восхищения их самозавершённостью и неприязни из-за того, что никогда не знаешь, с кем общаешься - то ли с лирическим героем, то ли с самим однословием.

Из-за нехватки и дороговизны жилья часть *глагов* переместилась глубоко в виртуальное пространство. Тут они молятся, *виртуально осемиотившись*, означив себя именами несуществующих пользователей, перед увитыми розами *иконами на экранах*. Под густое жужжание твёрдых дисков они копошатся белыми пальцами в клавиатурах, изгоняя компьютерных бесов из своих лоптопов. Обмениваются секретными *интернеторождёнными* симулякрами. Ловят новые слова в свою интернетную Сеть. Подсматривают сквозь приоткрытые *гугольные окошки* за цветными *интернюшками* на порносайтах,

Дорога к ним проходит по длинным, извилистым цепочкам линков, которые, кроме обитателей Сети, знают лишь немногие посвящённые *адресоблюстители*.

Кладбищ в *Глаголандии* не существует. Когда слово умирает, его просто перестают произносить, и гроб с его телом спускают ночью, тайно ото всех вниз по *Родной Речке*.

Лишь краткое жизнеописание *смертвеца* остаётся в *Универсальном Орфоэпическом Тезаурусе*, который хранится в скрипте Собора *Св. Грамматики*.

Страха смерти у *глагов* нет - для них жизнь и смерть такие же слова, как и остальные обитатели страны.

Часть *смертвецов* живёт и после смерти, так будто их новая жизнь действительно происходит с ними.

В последний день *Глаголандского Карнавала* их часто можно увидеть в смеющейся толпе. Они стоят молча с землистыми лицами у всех на виду, как свидетели со стороны обвинения, среди *отелеснившегося* срамословия скрывающих, обманывающих масок, и никто не знает ни их имён, ни что они означают, ни чего они хотят.

Считается, что встретить такого *психокадавра* - живую невидимую душу, которая тащит на себе мёртвое тело - утром, когда идёшь на работу, очень плохая примета.

В ночь на Вербное Воскресенье на краю небосвода появляются цепочки огней. Это *недореинкарнировавшиеся*, застрявшие между реинкарнациями, души недавно умерших возвращаются, нагруженные подарками, к родным из *Ближнего Тогосветья* на летающих *душеблюдцах* с голубою светящейся каймой.

На следующий день на улицах столицы можно увидеть горы дрожащих ещё *иночерепков*, обломков *душеблюдец*, разбитых *спозапянку* во время праздника. Так что за *недореинкарнировавшимися* приходится посылать новые *душеблюдця* из *Тогосветья*.

В *Оккультторге* - столичном магазине *окульттоваров* - широкий выбор *лживотворной Косметики для Третьего Глаза*, магических бриллиантов, *приворотовок*, настоянных на отварах из заклятых трав *вытривзгляд* и *отвернилицо*, всевозможных оберегов, *инкрустителей* (богато инкрустированных костылей для духовных калек), *душеотводов* (предметов для отвода души, например, сервизов для битья посуды), специально разработанных *некрофонов* для связи с *Ближним Тогосветьем*. (*Медиумничающие глаги*, пытавшиеся пользоваться *некрофонами*, жалуются на плохую слышимость.)

Кроме того в *Оккультторге* имеются кабинки, где за небольшую плату можно посмотреть программы астрального телевидения, транслирующего последние новости из *Ближнего Тогосветья*. (В последнее время новости эти становятся всё более тревожными. Похоже, там что-то затевается).

Каждое утро в магазине можно увидеть очень хорошо известную мужской половине города хозяйку местного увеселительного заведения, *рококовую* женщину, отличающуюся сложной, роковой изысканностью форм. (Знаменитый портрет *вчёмматьрождённой* хозяйки расположен над входом в заведение). Она быстро просматривает оккультные новинки и покупает специально приготовленный для её неумолимых работниц гороскоп на следующую ночь.

В *Глаголандии* многие верят, что души слов не умирают вместе с обозначающими их словами и могут, вернувшись на время из *Ближнего Тогосветья*, проживать инкогнито новые жизни в других глаголах, которые об этом и не подозревают.

Из поколения в поколение передаётся в старинных родах искусство *терминоселекции* - выбора нового термина, нового обозначающего *словоимени* для *безтельницы-души*, когда она находится в *чревоожидании*, в ожидании порождающего чрева непосредственно перед рождением.

В эти судьбоносные минуты перед нею простираются тысячи напряжённых, ждущих, чавкающих *чрев*, и через каждое из них она может вернуться в мир. *Безтельница* должна тщательно их исследовать перед тем, как войти в одно из них. Считается, что ошибка при выборе чрева, при выборе своего нового слова-имени, даже маленькая *чревоточина* в выбранном чреве, чревата страшными последствиями. Неправильно *устествившаяся безтельница* расплачивается за такую ошибку всю свою последующую жизнь.

До конца *оглаголившись* души, реинкарнировавшие на всю *Катушку Великого Колеса Превращений*, души, для которых глаголандская жизнь уже стала *метафикцией*, вселенской *коллюзией*, прозрачным покрывалом Майи, могут *самогуриться*, стать гуру самим себе, достичь, не выходя из себя, полного покоя и умиротворения в своей собственной маленькой *нирванночке*.

Территория страны настолько мала, что в ней полностью отсутствует общественный и личный транспорт. Никто ни на чём никуда не ездит.

Но у западной стены Собора *Св. Грамматики* всегда стоят для *словолюбивых* романтических туристов несколько крытых карет, обитых жёлтым бархатом. Шевелятся гривы коней, всплывают над головами, как чёрная пена.

Ритмично храпят на козлах огромные *ямбишки-кучера* в тулупах с поднятыми воротниками, надвинув косматые шапки на брови. (Когда-то местный поэт определил, что в их храпении явно проступает четырёхстопный ямб). Квадратные курчавые бороды грозно к небу воздеты. Торчат кнуты из оттопыренных карманов. Ветер качает в стене Собора резные тени коней, карет, *ямбишников-кучеров*, кнутов,... К вечеру тени набухают, наливаются чернотою. *Ямбишки* становятся прозрачными силуэтами, растворяются в зыбком мареве. И сияет под огромными оглоблями желтых карет несметным богатством серебристая брусчатка.

3. Государственное Управление.

Официальное название страны «*Терминократическая Республика Глаголандия*».

Правительство больше похоже на младшую сестру, чем на старшего брата. Оно не столько управляет жизнью *глагов*, сколько советует, как и зачем им жить.

Свод законов, *Грамматический Кодекс*, давно вошёл в плоть и кровь населения. Обитатели страны часто именуют себя *Глагоми Грамматического Закона*. (Слова, правота которых противоречит *Грамматическому Кодексу* в *Глаголандии* не выживают).

В Парламенте (*Совете Второй Строфы*) четыре главные партии (*Четыре Строки*), которые представляют четыре основные части речи – собственно глаголов, существительных, прилагательных и наречий.

Парламент раз в год выбирает верховного правителя *Глагологоса* – глагола, во всех трёх лицах которого в этот год живёт Логос и Его Голос. (По преданию *Глаголандия* стоит внутри всеобъемлющего Логоса на *Первострофе*. В ней всего четыре священных строки из существительных подлежащих, но строк этих никто не знает).

Кроме *Глагологоса* в стране есть ещё одно очень важное Лицо, которое всегда молчит. И лишь когда *Глагологос* нарушает Закон, оно поднимается на паперть Собора *Св. Грамматики* и в присутствии большой толпы народа произносит восклицание «*Ыых!*». На следующий день после того, как *Восклицо* произнесло «*Ыых!*», Парламент начинает импичкать *Глагологоса*.

Выборы *Глагологоса*, которые начинаются сразу же после окончания *Глаголандского Карнавала* в день осеннего солнцеворота и длятся до Нового Года, всегда сопровождаются ожесточёнными словопрениями. *Взахлёбность* и *наобумность* этих *словоспориц* давно стала неотъемлемой частью национальной традиции.

Сразу после избрания *Глагологос* вместе с четырьмя своими помощниками-*Аттрибами* из каждой *Строки*, окружённые *телоохранниками* и *душеохранниками*, в крылатой *упряжке спряжений коренных глаголов* отправляются из Парламента в Собор.

Во всю *ослышь*, до самого горизонта слуха, разносится *перезвон-глаговест* ликующих глаголандских колоколов. И эхо его отдаётся гудением в чугунных камертонах ограды Собора.

Мерно цокают звонкие окончания коренных глаголов. Струится в брусчатку, выложенную кириличными древними буквами, свеченье с копыт.

Впереди процессии, сверкая в заходящем солнце медными трубами, *Государственный Оркестр Пассионариев Глаголандского Суперэтноса* исполняет гимн «Страна родная *Глаголандия*, в сердцах любовь к тебе храним». И в самом звучании слова *Глаголандия* слышен клокочущий колокольный звон.

Прижимая к груди огромные жёлтые конверты и *оглядываясь вперёд*, медленно движутся *силлабо-тоническим цугом* за оркестром *Глагологос* в красном плаще и *Аттрибы* в плащах своих строк.

В кулаке у *Глагологоса* зажат светящийся золотом *восклицательный знак !?*, знак веры, побеждающей сомнение.

Строфоотряды тождественных самим себе терминов *Грамматической Службы* в белой парадной форме с рифмами наизготовку шагают в лексикографическом порядке слово-в-слово вслед за *упряжкой спряжений*, в которой стоят *Глагологос* и его *Аттрибы*. Каждый из терминов является точно таким, каким он должен быть.

Во главе колонны идут в своих первых, официальных лицах близнецы - *Глаголоначальники Отделов Дознания и Наказания*. Их сдвоенные мужские тени-морфемы, *Кртксть* и *Тврдсть*, неотступно плывут за ними, со скрежетом царапая брусчатку костлявыми, неогласованными телами.

По всему пути процессии голубые промоины окон горят расплавленной в камне слюдой. Праздничное многоголовое *многоглаголанье* плещется на площадях.

Фасады домов украшены торчащими из промоин разноцветными *гёрляндами* девушек в развевающихся платьях. Девушки исступлённо размахивают над головами своими красочными, щебечущими тенями.

Миллионы розовых лепестков сыплются из *гёрлянд* на головы проходящих терминов и их суровых *Глаголоначальников*.

На церемонии в Соборе, увешанный всеми своими официальными префиксами, суффиксами и прочими регалиями курчавобородый *Архиепископ Глаголианский Лингеус Второй* дрожащим надорванным тенором поёт исполати и *фимирамбы*, воскуривает фимиам перед простреленной пулею иконой *Одигитрии Глаголандской*. Окропив святою смесью крови, слёз и пота стоящих на коленях *Глагологоса* и его *Аттрибов*, торжественно *деепричащает* их, причащает к действию, благословляя на правление. И в души их входят поющие голограммы всей *Глаголандии*.

Глагологос Прошлого Года подносит *Новому Глагологосу* на золотом подносе ключ от Собора. Бородка ключа представляет собой точную копию профиля Архиепископа

В этот момент *Новому Глагологосу* открывается в молитве истинное имя Логоса – тетраграмматон и Первая Строка *Первострофы*. (Через год, когда он перестанет быть *Глагологосом*, тетраграмматон и Первая Строка навсегда исчезнут из его памяти).

4. История Страны.

История страны уходит в глубокую древность (и, когда возвращается из неё в трудах глаголандских историков, оказывается сильно изуродованной).

Первые упоминания о коренных жителях, *лесных словичах*, появляются на берестяных грамотах, написанных ещё задолго до возникновения государства в так называемый деревянный век. В это время (известное среди историков также как эпоха *пандендрированности*, всеобщей деревянности) всё в стране – даже её языческие *словобог* *Яви* и *Прави* – делалось из дерева, преимущественно из осины. Ещё и сейчас на окраинах *Леса Тёмных Метафор* можно найти намолёные веками капища с полусгнившими осиновыми идолами позабытых, но до сих пор могущественных *словобогов*. Стилизованные их изображения стали частью *палеомодернистской* традиции в современном глаголандском искусстве.

Согласно легенде, записанной в *Серженевой Книге*, примерно тысячу триста лет назад большая группа *глаголичей* сумела переправиться вплавь через *Родную Речку* из *Прязыковых Болот*. Из потомков *словичей* и *глаголичей* возникла новая языковая общность *глагов*.

Они мирно разводили коров на разнотравье, писали друг другу берестяные *славянофилькины* грамоты, и от своих трудов стали сыты быть. Пять раз в день собирались они вместе и много пили солнечной сурицы во славу *словобогов*. А имя *словобога-оборотня* главного было *Дид-Дуп-Глаг*. От многих словес и от сурицы солнечной лишились они мужества и имели между собой беспокойство и разлад. Что в *Прави* положено *Дид-Дуп-Глагом*, было им неизвестно, и *Явь* творила жизни их.

Через двести лет после *Великого Переселения*, когда на месте будущей столицы страны, *Словгорода*, уже находилось большое поселение, греческие монахи из Святой Земли принесли в страну *Ноос* – разум, явленный в Откровении Логоса. Исполненные *Нооса*, благочестивые *глаго* сбросили, наконец, иго *Дид-Дуп-Глага* и других своих древних *словобогов* вместе с их деревянными статуями в *Родную Речку*. Уцелевшие *словобог* попрятались по лесным урочищам, и священная корова *Зимун* не приходила больше грозовой тучей в глаголандском небе.

Язык в стране стал церковно-славянским, и в *церькьвах Глагоруссии* начали *словославить* Истинное Слово костлявые девки и русые лепокудрые мужики.

Слова-памятники этих эпох (например, «Слово о Законе и Благодати» или «Слово о Полку Игореве») давно стали предметами *глаголианского* религиозного культа.

Священные книги, принесённые греками, были быстро утрачены, и содержание их позабылось. Но осталась с той поры в *глаголианстве* неизбывная *ноостальгия*, тоска по разумному, тоска по Ноосу - разуму, явленному в Откровении.

Много разных народов приходили в страну и буйно смешивались с коренным населением. И жители научились приспосабливаться. Если нужно, они могут, навесив на себя защитные суффиксы и префиксы или, изогнувшись всеми своими флексиями, принять любую форму, могут склоняться, спрягаться, могут выработать любое *надоумение* – умение делать как надо. Но податливая женственность склоняющихся, спрягающихся *глагов* обманчива. Корни их уходят очень глубоко подпочву, в деревянный век, ибо время в *Глаголандии* движется медленнее чем в других странах, и прошлое здесь с настоящим связано сильнее.

Любопытно, что первые попытки описания страны (такие как Грамматические Уложения Лаврентия Зизания) относятся к *Межзэрью Смутного Времени*, когда ещё воскресали невинно-убиенные царевичи, правили самозванцы, и от дьявола никому житья не было. Но при этом церковно-славянское уже сменялось светско-славянским.

Отцом-основателем современной *Глаголандии* считается А.С. Пушкин. «Пушкин наше всё, а мы...» - любят повторять за начальством благохитрые *глаги*, при этом подмигивая друг дружке и самим себе.

5. *Словгород.*

Словгород, древняя столица (и единственный город) *Глаголандии*, если смотреть сверху, представляет собой уникальный каменный текст, оцетинившийся иглами шпилей, со словами зданий, длинными фразами улиц и чёрными точками площадей в конце, вывесками на домах, обозначающими названия глав, вкраплениями античных цитат,...

Урбосемиотика (наука, изучающая и расшифровывающая этот текст) одна из главных областей исследования в *Глаголандском Университете* .

В центре столицы покрытый зелёной патиной *памятник из слухов* в форме гигантского кукиша. У подножия кукиша каменная чаша с журчащим фонтаном.

Вокруг памятника по утрам стоят прилавки. Тут торгуют крикливые *силлабы* в цветастых кофтах – предлагают по дешёвке благодать, разливают по бидонам светящуюся, пенящуюся алиллуйю, *словесный мёд* и *виришевичную похлёбку*, железными совками насыпают из джутовых мешков *крупу из мелкого петита*.

Мелкие тороговки, местные *шахер-махеризады*, зазывают недоверчивых покупательниц, рассказывают сказки, расцветенные *лжинками*, о своих заморских товарах.

Румяные *лингвины* в белых хрустящих передниках продают знаменитые *глаголандские вербублы* из поджаристого словесного теста с зияющей пустотой посредине. (В народе *вербублы* эти считают метафорой всей *Глаголандии*. Через их поедание происходит приобщение к исконным глаголандским ценностям, к пониманию священной пустоты, заключённой в *глагах*. Каждая праздничная трапеза завершается обрядом поедания *вербублов*.)

Между прилавков торчат кокетливые красные будочки *ЖМ-уалетов* (совместных женско-мужских туалетов) с блестящими металлическими ручками. К будкам тянутся, похожие на нетерпеливо перебирающих лапами сороконожек, длинные очереди.

Дородные глаголандские матроны с маленькими головами и всевозможные *булы* (фабулы, вокабулы, буллы, инкунабулы), плотно покрытые украшениями, бродят между прилавками и *ЖМ-уалетами*. Вращают зрачками, изливают душу куда попало, рассматривают товары, фильтруют базар. Жесты их всё время толкаются, налезает друг на друга.

Позвякивают медные *дребеденьги* в пришитых к необъятным поясам кошельках. Бесформенные груди плывут над прилавками, трясутся, волнуются многослойные юбки. Шевелятся красные рты, лиловые зубы сверкают в огромных *ожерельниках*, ошейниках из жемчужных ожерелий и синяков. Когда они наклоняются над прилавками и близоруко ощупывают глазами разложенные товары, *ожерельники* натягиваются туго на гофрированных жирных шеях.

Торговки и покупательницы никогда не могут найти общего языка. Иногда даже без всякой задней мысли пальцы в рот друг дружке кладут, общий язык там найти надеются. Но языки у них, хоть и все без костей, но слишком уж разные. А головы на плечах варят плохо, и ума приложить они ни к чему не могут. Только пальцы себе облизывают, а всё мимо ушей пройдёт напрямиком насмарку.

Из-умлённый, вышедший из ума, городской юродивый *В?с?ё?*, в котором каждая буква корчится под вопросом (когда-то он был профессором в Университете и прославился *шизобретением* новой грамматики без знаков препинания для свободного, ничем не ограниченного общения), бегаёт в прорезиненном макинтоше по базару. Под закрытыми глазами у него покачиваются изжелта-синие мешки, набухшие от видений.

Размахивая костлявыми руками, *из-умлённый подглазномешочник* отгоняет *исчудия* своего воспалённого мозга, безуспешно призывает пока не поздно покаяться и перестать торговать. Вся *Глаголандия* должна стать храмом Слова, и торговцев надо немедленно из храма изгнать.

Когда *В?с?ё?* останавливается и, задыхаясь, стоит с опущенной на грудь курчавой головой и *пристёгнутыми*, прижатыми к стегну, ладонями в позе, напоминающей известный памятник великому поэту, вены голубыми змейками сползают к его вискам, и становится слышно как стеклянная *Птица-Кашель*, живущая у него в грудной клетке, бьётся тяжёлыми крыльями, пытается вырваться наружу.

Фасад Собора *Св. Грамматики* обращён к рыночной площади. На паперти у провала открытой двери Собора всегда сидит, нагнув голову и выставив обрубок, обмотанный маслянистыми тряпками, *ух!мылистый* калека *Полусло* с обрезанным последним слогом. Позвякивая медными *дребеденьгами* в консервной банке, он требует милостыню у входящих. Одинокий клочок, словно иссиня-чёрный изогнутый рог, угрожающе торчит у него из макушки. В лице что-то явно противоречащее заповеди «Возлюби ближнего своего».

Осанистые голуби, важно выпучив пухлые, прилизанные животы, прохаживаются у него за спиной и внимательно наблюдают, кто и сколько даёт.

Ух!мылистый Полусло и его *из-умлённый* дружок-подглазномешочник *В?с?ё?* живут здесь же на базаре. Утром какая-нибудь из *силлаб* всегда находит под своим прилавком обоих друзей, которые спят, обнявшись под прорезиненным, мокрым от росы макинтошем и, высунув друг к другу белые языки, мирно похрапывают.

6. Глаголианство. Собор Св. Грамматики.

Слова в *Глаголандии* верят, что они созданы по образу и подобию Слова, и поэтому им самим дано решать, как Ему служить. Большинство из них живёт внутри сложившейся веками *глаголианской* церковной традиции. *Пансловизм* – учение о том, что истинным бытием обладают только слова, и остальной мир есть лишь искажённое отражение истинного мира слов – является основной частью официального *глаголианства*.

Неоклассический Собор *Св. Грамматики* с золотым куполом в виде набухшей женской груди с торчащим чёрным крестом на соске и прижавшимися к ней золотыми затылкам четырёх *куполят* – самый главный собор *Глаголианской Автокефальной Церкви*. Всего в стране 33 собора или, как их называют глаголандцы, 33 видимые тени Логоса. Число 33 (*Двойная Троица*) считается священным, ибо из 33 букв состоят все видимые тени обитателей страны.

Сияющая *крестососковая купологрудь* Собора видна далеко за границами *Словгорода*. По утрам, когда по всей *Глаголандии* поют колокола, и солнце выстилает слепящим блеском равнину вокруг города, идущие с *Болот* пухлые облака, похожие на огромных румяных младенцев, останавливаются над Собором, надолго припадают к его *купологрудь* и – уже отяжелевшие, набухшие живительной влагой – медленно плывут дальше, оставляя за собою радугу - горящий, изогнутый мост надо всю страной от *Болот* и до *Гор*. Семь его цветов расслаиваются. Изогнутые полосы неба проступают между семью цветными мостами. Мосты растворяются в сверкающей *небизне*, и на вершинах *Гор*, на самой границе между светом и темнотою появляются огромные, смутные фигуры ушедших.

В морозные зимние дни, когда воздух особенно чист, над Собором проступает *перевернутая купологрудь*, касающаяся своим чёрным соском соска на куполе, как напоминание, что земная *Глаголандия* - только отражение небесной. При этом соединённые *купологрудь* превращаются в песочные часы над *Словгородом*, и жёлтые *небезги* медленно пересыпаются в соборную *купологрудь*, отмеряя время.

Современное здание Собора было построено в начале 19 века, но скрипта относится ещё к церковно-славянскому периоду.

В скрипте находится *Универсальный Орфоэтический Тезаурус*. Там содержатся имена и толкования всех когда либо живших в стране слов и маленькие стеклянные усыпальницы со светящимися нетленными мощами святых невинно-убиенных детей кириллицы - Ижицы, Яти, Фиты.

Квадратные колонны Собора, доверху расписанные бледно-розовыми фресками, переходят в мощные арки.

Двенадцать длинных, узких окон-витражей висят, как застывший фейерверк, внутри разбухшей от молений *купологрудь*.

Пространство внутри Собора сильно искривлено. Солнечные лучи, проходя сквозь витражи, изгибаются в воздухе и сливаются в широкое цветное пятно на полу перед алтарём. Посредине пятна, в центре двенадцатикратного *случия* стоит *столтоспираль вознесения* –столп спиралью вьющихся, возносящихся в небо мраморных женских тел в развевающихся одеждах.

Каждое воскресенье *Архиепископ Глаголандский Лингвус Второй* в усыпанной кириллицей белой епитрахили с *красной подоплёкой* и с округлой панагией на груди под колокольный *перезвон-глаговест* совершает обряд освящения *глагов*.

Старинные слова из со-словия лингвистических универсалий стоят на коленях, опустив бороды на грудь, вокруг Архиепископа. Высоко над ними золотом выбитая в стене надпись «Знай, перед Кем стоишь!» наливается светом.

Велеречивые, скользкие духом *словеласы* в элегантных чёрных костюмах и белых рубахах с накрахмаленными воротниками и жеманные, костлявые *вокабулы* в длинных платьях с кружевными манжетами и *со свисающими набок окончаньями*, стоят, торжественно вытянув шеи. Вместе с паломниками со всего мира, заполнившими Собор, они *сослушиваются*, раскрывают в молитве-слушании свои души.

Архиепископ умело трогает тонкие душевные струны, и тысячей арф сразу отзывается в них словоявленная, *околоколенная* лепота великого обряда.

За амвоном хор *лексичек* под звуки арф тянет «Мы народ Твой, и Ты отец наш...». Исполненная целительного *глаголения*, смиренной и величественной красоты древних глаголов, *арфическая* мелодия поднимается вверх, оседает в подсвеченных витражами горельефах пыли под сводами *купологрудь*.

Бесформенные *фигуры умолчания* молятся на коленях перед образами крутолобых святых в красных одеждах . Стучат в сухие груди костлявыми кулачками с крепко зажатыми в них крупницами веры. Влажные скорлупки застывших слёз искрятся на морщинистых щеках. Бережно кладут на пол перед образами свои *истоведи* – выстраданные, неистовые исповеди. Умилёнными взглядами разглаживают тёмные лики.

Словно в сообщающихся сосудах, свет двенадцатикратного соборного *случия* сливается со светом в их душах.

Ауроголовые и *наухоёмкие*, способные услышать и вобрать в себя много чужих грехов, сосмиреники-потаковники умного деланья с длинными белыми бородами строго смотрят вниз на склонившиеся головы.

Над трепещущим светом лампад тихо потрескивает аура в перекосившихся голубоватых нимбах.

Бывшие зэки, *гулаговские глаги*, прочно *оскобировавшиеся* (выделившие себя (внутри) толпы *фигур умолчания*) многочисленными (но невидимыми) скобками), стоят, сдвинув брови и вытянув перед собою руки, плотной кучкой прямо у клироса. Недоверчиво наблюдают за каждым движением Архиепископа.

Тонкие, жёлтые свечки, словно трепещущие восклицательные знаки, мерцают в скобках их огромных ладоней.

После службы за иконостасом, возле каменной раки с мощами *Св.Тезауруса* выстраивается длинная очередь. Здесь толстый, *доброкозненный* диакон разливает поварёшкой в бидончики святую воду и густым басом деловито благословляет прихожанок. Закончив работу, он откидывает назад огромную голову и, размахивая сверкающей поварёшкой, неожиданно выворачивает наизнанку свой бас - затягивает тонким фальцетом ликующую *акафистулу Св. Тезауруса*, написанную много лет назад знаменитым местным *литургом*.

В ночь на Вербное Воскресенье в пустом Соборе встречаются *Глагологос* и четверо его помощников, *Аттрибов*, или их *местоимения*.

Сначала, *развесив органы слуха*, несколько минут стоят потеряв дар речи, смотрят, куда глаза глядят, вслушиваясь как *Глагологос* своей самой существенной частью, коренною морфемой, отдаёт себе отчёт. Говорит он медленно и с огромным напряжением. Перед каждой фразой внимательно слушает тишину, в которую должны войти его слова. Перед закрытыми глазами медленно проплывают в желтом потоке тысячи синих пружинок и головастиков.

Когда последняя судорога пробегает у него по душе, *Аттрибы* поднимают руки над головой и, *взметафорив* друг друга, долго и самозабвенно молятся во всех своих трёх лицах под колокольный *глаговест*. Изумрудным светом мерцают зазоры между их тремя лицами и наэлектризованным, намоленным воздухом. В словах появляется Божье.

Перед концом службы над органом раздвигается золотая *купологрудь* Собора. Крест на её соске наклоняется к земле. С треском лопается *плезвонка*, невидимая плёнка, натянутая на колокольный звон.

Сияющий кораблик с пятью *вымолившимися* душами на борту, распуская прозрачные паруса, поднимается сквозь плывущие над страной сны в небо – туда, где оно превращается сначала в небосклон, а потом в небосвод - и, облепленный обрывками *плезвонки* и шелестом расстеленных крыльев, восходит к высокому центру *Небесной Глаголандии*.

С небосвода навстречу кораблику несутся в раскрытую *купологрудь* потоки животворящего дождя, и, как только первые капли касаются *Глагологоса*, она медленно закрывается.

Глагологос и *Аттрибы*, распластавшись словно громадные чёрные птицы, засыпают прямо на каменном полу. Им снится Господь.

Тела их втекают в чью-то огромную душу.

7. Центральный Парк. Кентафора. Лясоточилка.

Сразу за Собором начинается Центральный Парк *Словгорода*.

Вдоль аллей, посыпанных жёлтым песком, аккуратно подстриженные газоны с голубой травой, кустарник мелких стихов, огороженный низким штакетником. (В почве *Глаголандии* содержится большое количество питательных элементов, которые веками образовывались от гниения неродившихся слов).

Из кустарника торчат *простатуированные*, воплощённые в виде татуированных мраморных статуй, вьющиеся лаокооны абракадабр, *двуликие анусы*, нежные ахинеи. Элегантно сгорбившиеся голые тела. Холёные белые ладони стыдливо прикрывают позеленевшую *налобочную фигню* аккуратно прилипших к причинным (и одновременно следственным!) местам фиговых листьев.

Разгоняя облака над стыдливими скульптурами, качают могучими кронами древние *Азы, Буки, Вязы и Веди*. По ночам корни их мерцают в голубой траве, подсвечивая изумрудным светом *налобочную фигню* у поёживающихся от холода статуй.

У самого старого из деревьев (*Перевёрнутого Аза*) необычайно длинный ствол, который во время дождя превращается в сверкающий вертикальный ручей. Листьев *Перевёрнутого Аза* никто не видел. Согласно местной легенде, его невидимые корни на небосводе, а крона проросла глубоко в глаголандскую почву.

Весной в Парке, когда буйствует махровая сирень и что-то лепечут, лопочут бьющиеся в белой эпилепсии лепестки на ветках, обмотанных засохшими нитями дождя, здесь можно встретить *словеласов*, фланирующих в поисках новых знакомств, или пару выводов, идущих далеко, или ходячего анекдота с бородой до пояса. (Опытные вокабулы говорят, что у этих анекдотов только во лбу семь пятей, а других мест – так и вовсе не счесть).

По жёлтым аллеям неторопливо гуляют целыми семействами степенные лексемы, демонстрируя свои пышные грамматические формы. Проходя мимо

словеласов, они быстро закрывают глаза, словно невидимыми *взглядорезками* отрезая под корень липкие взгляды, протянутые к их телам.

В центре Парка посередине круглой площади, известной в городе как *Общее Место*, стоит *Кентафора*, памятник-метафора в виде *коньтекста* и летящего на нём голого всадника без головы. Считается, что *Кентафора* олицетворяет, *имперсонифицирует* сдвоенную сущность, несущейся неизвестно куда, глаголандской истории. Каменные руки безголового уверенно скрещены на груди. Блестящее, покрытое патиной брюхо надорвано от смеха. Из паха всегда идёт пахучий пар. Тяжёлая капля солнца повисла на *детодородном* органе, уверенно торчащем из курчавой *налобочной фигни*.

На полированном цоколе памятника *набрайлены* объёмным, понятным и слепому, окаменевшим *горельефотекстом* 33 кириличные буквы *Двойной Троицы*.

Перед *Кентафорой* на низеньких складных табуретках целыми днями сидят, выгнув свои длинные прозрачные ноги над пустыми бутылками, *Инаковидящий Каллиграф*, за небольшие деньги славянскою вязью *вокаблучивающий* теньевые портреты огласованных *вокабул*, и знаменитый *Культурист*, вдохновенно пишущий маслом картины с предметами мёртвой культуры, *культюрморты*, которые он тут же раздаёт прохожим. На каждой из картин среди обрывков холстов и обломков драпированных в красное античных статуй огромное блюдо с окровавленной *культуркультёй* – культёй, обрубок современной *простатуированной* глаголандской культуры.

Оба они в широких бархатных блузах. Головы срезаны пополам плоскими чёрными беретами. Вдоль сжатых, извилистых губ *Культуриста* бегаёт вприпрыжку маленький тик. Там, где он наталкивается на уголки рта, образуется пена, и голубая слюна танцующей ниточкой света стекает в жилистую шею. Широкие дужки чёрных очков веером распластаны на висках.

Собравшаяся вокруг *Каллиграфа* и *Культуриста* толпа восхищённо следит за их работой и что-то твердит в Одно Слово, всегда стоящее за спиной *Культуриста*. Одно Слово, не меняясь в лице, ласково улыбается самому себе и не обращает на них внимания.

В средние века на *Общем Месте* находился фаллической формы позорный столб. К нему для всеобщего обозрения привязывали осуждённых преступниц, предварительно содрав с них все одежды и выбрив волосы на голове и внизу живота.

Немного поодаль от *Общего Места* вечный огонь, принявший форму качающегося от ветра, несгорающего куста. Пламя его состоит из всех семи цветов – от багрово-красного, стелющегося по земле, до фиолетово-синего, сливающегося с *небизной* над *Кентафорой*. Иногда языки пламени на минуту застывают, превращаясь в незнакомое слово, но потом снова начинают свой бесконечный танец.

Правоверные *Глаголиане* верят, что раз в году над неопалимым кустом появляются огненные ступени великой *Целестницы*, лестницы без перил, ведущей

вертикально через узкий туннель в небосводе на Другую Сторону в *Небесную Глаголандию*. Повитая искрами *Св. Грамматика*, откинув голову, неторопливо поднимается из огня по *Целестнице*, рассыпает пригоршни светящихся, серебристых букв в красное крошево крашенных глаголандских крыш и во всей своей славе возносится над страной.

По вечерам вокруг семицветного пламени на корточках часами сидят *хлюбопытствующие*, хлюпающие носом, *почемучающиеся* от любопытства, детишки. Подбрасывают щепки в огонь. Пытаются разглядеть проступающий в искрах облик *Св. Грамматики* и огненную *Целестницу* над нею.

Лохматые, цветные *агарки*, куски горящего пространства, оторванные от огня, с треском лопаются, превращаются в густой рой танцующих бабочек над головами *хлюбопытствующих* малых глаголандцев, над безголовым всадником и над его *коньтекстом*.

Длинная, узкая улица вьётся от Парка к *Лясоточилке* или просто *Ляске*, самому популярному, самому гламурному в городе кафе. (Поскольку в *Словгороде* нет общественного транспорта, нет там и прямых улиц. Сделано это ещё и для того, чтобы *глаги* не маячили друг перед другом, чтобы они могли сохранять свою экзистенциальную *одиночку* во время вечерних прогулок, когда они думают о жизни).

На изгибающейся каждым своим домом улице, ведущей к *Ляске*, находятся все главные магазины страны. Переливаются огнями белые булочные, оранжевые галантереи, фиолетовые аптеки. На мостовой мешки из пластика как волдыри, натёртые ногами пешеходов. Среди перемигивающихся фонарей зеркала в витринах образуют электрический калейдоскоп, в котором часами полощут зрачки глаголандские дамы, изучая себя с разных точек зрения, перед тем, как войти в кафе.

Вечером, когда облака над *Словгородом* распускаются в заходящем солнце лепестками огромных бело-розовых небесных цветов, в *Ляске* за круглыми пластмассовыми столиками сидят вместе со своими на всё готовыми прилагательными клеветами *игривогривуазные*, расфуфыренные, буквально переливающиеся каждой буквой катархезы, синекдохи, метонимии, овейные сложными комбинациями духов и дезодорантов. Голые руки с длинными пальцами и изогнутыми перламутровыми ногтями плавно выводят что-то в воздухе мерцающими сигаретами в янтарных мундштуках. Приторные запахи *бедокурева* - наркотиков, вдыхаемых вместе с сигаретным дымом и запахом духов - неподвижно и прочно висят над головами.

В последнее время среди посетительниц кафе становится всё более модным лёгкий налёт иронии, так что *иносказующие* синекдохи и катархезы часто добавляют к своим замысловатым туалетам заметное только для посвящённых двойное оперенье аллюзий и кавычек.

Особенно уютно сидеть в *Ляске* поздно ночью с бокалом горячего вина, когда накрапывает дождик, и окна превращаются в затканые далёкими звёздами, блёклые *небелены* - небесные гобелены на стенах. В глубине *небеленов* мерцают

шёлковые нити. На столиках трепещут свечки, и тёмным, золотистым маслом переливаются между *небеленами* картины старых глаголандских мастеров.

Много любопытных историй начиналось в *Ляске*. Много случайных связей (для которых всё же были свои причины) и неразвязуемых *брачно-гордиевских узлов* завязалось тут. Многие из этих *причиннослучайных* связей стали частью местной легенды, вошли в *аналы глаголандской истории* и по сей день мирно пребывают там.

Слово за слово, бесконечные *неразговоры*, где узоры из многозначительных пауз прострочены ниточками *вздхв* (неогласованных, бездыханных вздохов), переливаясь, плывут каждый вечер по залам *Ляски* между неизречённых намёков, туманно- *эзопых* экивоков, кривотолков, румяных от свежей крови слухов. Словно спицы мелькают взгляды, расплетая густую пряжу из каннабиса и никотина.

Жизнемождённые, мудосочные официанты в изжелта-белых кителях летают между столиков с круглыми серебряными подносами над головами. С кухни сквозь приоткрытую дверь доносится корявая кириллица поваров, перемешанная с латунной латинницей громыхающих кастрюлей и мисок.

По низенькой сцене порхает голубая скрипка с огненно-красным смычком в сверкающих манжетах лысого маэстро. Его круглое безбровое лицо с закрытыми глазами описывает плавные круги над смычком. Пухлая певица, закрыв глаза и приложив ладонь к груди, тянет что-то заунывно-страстное тонким писклявым голосом.

Бьётся в углу над клавишами оскаленного пианино маленький чёрный тапёр с писклявым голосом, навечно застрявшим у него в левом ухе.

Каждый вечер ещё за полчаса до открытия *ухоголосый* тапёр уже сидит за своим *оскалино*. Прислушиваясь к кончикам своих пальцев, он внимательно смотрит в окно, где рассаживаются на провода воробьи. Тела их образуют нотную запись новой мелодии. Мелодию эту он должен будет исполнить, когда в кафе войдут первые посетительницы.

Лениво потягивая кофе, увитые городскими сплетнями посетительницы *паузят* умело свои *неразговоры* щебечущей болтовнёю. Часами склоняют на все лады и деконструируют *вокабул* за соседними столиками, внимательно изучают *материальную флору* - растения и цветы в материи их платьев.

Флора эта очень разнообразна, но никогда не бывает случайной. В сочетании цветов - всегда посланье, для тех кто умеет читать. Много может сказать глаголандская женщина на языке цветов.

Часто можно увидеть, как страстные маки или трепещущие орхидеи, уютно устроившиеся в тёплом *междубедрии*, просыпаются, когда обёрнутая ими *расфуфря* встаёт, и под пристальными взглядами окружающих *глагов* распускаются, расцветают на мгновение по всему её телу. Она выходит из кафе, оглядывается по сторонам и поправляет завивающуюся от ветра цветастую *вьюбку*. Отряхивая прилипшие взгляды, поглаживает себя по бёдрам, и цветы обиженно закрываются.

8. *Живоязычники.*

Секты дваждырождённых *живоязычников* (тех, кем жив язык), появились в стране ещё в 17 веке. Ничевоки, топтуны, хлысты, трясуны, радения которых иногда кончались и свальным грехом, в начале 20 века распространились по всей стране.

Позднее появились *здесьники-сейчасники*, которые верят только в то, что происходит здесь и сейчас, и *топоромольцы*, поклоняющиеся топору, как универсальному символу силы и справедливости. Кроме того в стране есть *хоминычи* – сыновья человеческие и последователи Св. Фомы, так называемые *касатики-кожеверы*, верящие наощупь, не верящие ничему кроме собственной кожи. Для них звуки распускаются только в телесных касаньях, в прикосновении к видимой тени слова. Священные книги *кожеверов* являются переводами с истинных текстов касаний.

Среди университетских профессоров недавно появилась секта *двоеверных живоязычников-диагностиков*, отпавших от официального *глаголианства* приверженцев *диалектического гностицизма* - диалектики герметического знания посвящённых. *Двоеверные диагностики* верят, что им удаётся совместить в высшем синтезе язычество, веру в древних и могущественных *словобогов* языка, и монотеизм Логоса. В радениях-мистериях, посвященных языческим *словобогам*, открывается для них чувственная сторона единого Слова-Логоса.

Долгие годы беспощадно боролись с сектами власти, так что пришлось им уйти в глубокое подполье. Последнее время снова они расцветают сотнями храмов и домов молельных по всей стране.

Некоторые из братьев, успешно пройдя сквозь *смыслопогранку* и заумь, снова становятся на тернистый путь юродства.

Маленькая бревенчатая цркъвка секты существительных живоязычников, выстроенная из вяза в стиле русского рококо с фигурными наличниками, *рококошниками*, поясками, рюшами, изразцами и глазурированной черепицей, находится на окраине Парка. Грибница её маковок, уютно закутанных в цветастые, азиатские кофты, плывёт в *небизне* над шуршащими кронами *Азов, Буков, Вязов* и Веед. Полоски тонко-зелёной гнили сияют между вязаными брёвнами.

По субботам вокруг глубокой чёрной дыры-алтаря в центре церквки, взявшись за руки в фразы и сцепив их *круговой порукою рифм*, наполняются до краёв биением сердца и *ритмолепием*, испулённо танцуют *живоязычники* в нахлобученных *мозгогрейках*, растёгнутых *стекловатниках* (ватниках из стекловаты) и кирзовых сапогах. Из дыры-алтаря, как из огромного репродуктора, разливалась по церкви заунывная, всё более раскачивающаяся мелодия.

Поверх *стекловатников* (надетых на голое тело чтобы не забывать о плоти и во время радения) начищенные медные зеркала-кузунги. Кружащиеся, плачущие, *самоисступляющиеся* братья отражаются друг в друге.

Над ними на подмосте за столом, покрытым зелёным сукном, словно в президиуме собрания, сидят три неподвижных слова с длинными белыми бородами. Лица их совершенно ничего не отражают. Они не отрываясь смотрят внутрь дыры-алтаря.

Слова-живоязычники понемногу теряют смысл и становятся необычайно лёгкими, прозрачными. Глаза их опухают от слёз. Медленным хороводом кружатся окна, пятна на стенах, кружится вся *црькѣвка* вокруг дыры-алтаря. Ось её начинает светиться. Темнота, притаившаяся в алтаре, поднимаясь внутри оси, выливается фонтаном света на головы молящихся.

В приливах *выдохновения* из тел выходят голоса. Радеющие *выкликуши* прорицают, прорицают *пословно* о каждом из братьев, *голосятся* в бессвязных глассолалиях, не зная сами, о чём глаголают.

На лбах, залитых потом, между *надбровных радуг* овечьей кровью прочерчены шевелящиеся кресты. Светящиеся *потопотоки* струятся по твёрдым синим венам в шеи. Искажённые лица уже далеко по ту сторону красоты и уродства и всего остального.

Жёлтые нити, как тысячи *молзигнийзагов*, маленьких сплетённых зигзагов молний, с электрическим треском скользят по *стекловатникам*.

Нестройно, едва касаясь старческими голосами молятся, восхищают Слово.

Голые стены церкви пузырятся, словно вскипающее молоко, и дыра-алтарь становится чёрной воронкой, в которую тоненькой, живую струйкой стекает их пеньё.

Камлания начинаются сразу с восходом солнца. К концу дня голоса сливаются в бормочущий свод над дырой. У *живоязычников* начинаются *спазмы немоты*, спазмы блаженного ликующего ужаса. Они уходят на время из времени, валяются на каменный пол вокруг алтаря и в изнеможении лежат со *сплюснутыми душами* отдельно от тел.

Всё это время президиумные старцы сидят неподвижно на помосте.

Последний солнечный луч, расщепив занавеску в мутном окне под потолком, поочередно помечает *воскресательным знаком* каждого из распластанных братьев, обмывает их лица проточным сиянием и осторожно *взлучивает*, взламывает им веки.

Ещё облепленные великими снами продирают они глаза, молча отряхают пересверки *молзигнийзагов* со *стекловатников* и троекратно целуются в губы. *Воскресательные знаки* разгораются всё ярче на груди в зеркалах-кузунгах.

К словам возвращаются голоса, и души их снова наполняются, приобретают объём.

Возвеселившись духом, они торжественно пожимают друг другу руки. Линии сердца в ладонях плотно сплетаются. Долго стоят неподвижно. Потом, напавлив мокрые от пота *мозгогрейки*, неохотно расходятся по домам.

И только президиумные старцы остаются неподвижно сидеть на помосте.

9. Лупонариум для Прелюботворчества.

Позади базарной площади находится известное на всю страну увеселительное заведение – *Лупонариум* или просто **Л**, как любовно называют его постоянные клиенты.

Над входом в *Лупонариум* огромный портрет во весь рост обнажённой хозяйки заведения на фоне звёздного неба, выполненный акриловыми красками... Вместо сосков у неё ультрафиолетовые глаза под *гуустыми*, прилизанными бровями. Зрачки *соскобровой* красавицы сияют, словно она только-что испытала оргазм, но при этом умудряются пристально следить за прохожими. *Вздоровенные* напудренные бёдра нависают прямо над входом. Таинственная *пронежность* в *междубедрии* прикрыта *пятивееером* унизанных кольцами, растопыренных пальцев одинаковой длины. Между пальцев прозрачные перепонки. Широко расставленные буквой **Л** мощные ноги немного согнуты в коленях, так что посетители должны, задрвав голову, протискиваться через треугольную дверь между ними.

По обе стороны от двери свисают с изогнутых стеблей *стеклоплоды*, налитые червлёным, мерцающим оловом-золотом. В их неверном свете подрагивают над сосками прилизанные брови, подмигивают глаза. Колышется, вибрирует перепонками сверкающий *пятивееер* над глубокой *влуминой* *междубедрия*.

Нетерпеливая дрожь всего её большого акрилового тела передаётся входящим в **Л** клиентам.

Улочки вокруг **Л** всегда полны народу. По узким тротуарам фланируют с независимым видом туристы. Словно невзначай, рассматривают *удоболюбивых*, приветливых *сумасводниц-лупорнушек*. Девушки стоят, прислонившись к стенам, в фосфорисцирующем, ажурном дезабелье из *батерфляина* (специальный *трепетоносный* материал, изготавливаемый для них из крыльев бабочек) и высоких кавалерийских ботфортах.

Застывший дождь из разноцветных осколков глаз переливается в витринах сексшопов, аптек, отелей.

Большинство клиентов - приезжающие в виде слов, молодые *словопохотливые* туристы-графоманы с голодными глазами или пожилые, но малоизвестные литераторы, для которых посещение **Л** – их последняя *либидиная* *песня*. Около пяти вечера здесь также полно местных *глагов*, которые после работы заходят на часок отдохнуть в **Л** перед тем, как возвращаться домой.

Увлажнённолонные, молоденькие *двойнюшки* прохаживаются парами между сексшопами и аптеками, поигрывают ключами от комнат, трендят *похабельками*, собирают оценивающие взгляды. В тёмных проёмах между домами пожилые, умело покрашенные *лингвопутаны* на высоких каблуках *науськивают на себя* проходящих мимо любителей разнополой любви. Призывно закрывая глаза, водят красными *фаллюбиками* помады по выпученным губам.

Их *опекуны-сексопродавцы*, смешавшись с толпой клиентов, тактично

присматривают за ними.

Согласно глаголандским *половоззрениям*, проституция и *преблудодаяние* – любовная связь, подготавливающая *искусомужнюю* женщину к тому, чтобы стать проституткой – не являются преступлением.

Многие *лупорнушки* даже во время работы продолжают любить своих опекунов. Их *мимолюбие*, способность любить взахлѐб любого за умеренную плату, любить мимо того, кого действительно любишь, всегда остаѐтся волнующей загадкой для клиентов.

Кроме девушек, продающих женское тепло в самом заведении, в стране много *конкубироток* и *эзотеричек*, работающих дома и доступных только посвящённым, у которых есть их телефонные номера.

Глаголандские *лупорнушки* и *паникурвы* очень склонны к панике. Иногда *хватаги* местных мальчишек поджигают шины у входа в Л, и девушки, почувяв запах дыма, сбрасывают клиентов и под хохот малых глаголандцев *вчемматрощѐнные* выбегают с криками на улицу.

Для серьёзно интересующихся *прелюботворчеством*, созданием новых сексуальных ценностей, *либидоносных* клиенток женского пола и обоеполых *жсеномужей-феминдров* в Л под руководством самых квалифицированных, *лесбианнейших* преподавательниц проводятся *полуполовые* акты, *камасутренники* и мастер-классы *медитативной мастурбации* и *мастурбативной медитации*.

Ночью *сексофония* слипшихся *ежесоительных* стонов и оргазмов расцветает над крышей заведения, как застывший многоголосый салют в честь *горизонтального праздника* бурно *коитусующихся* клиентов.

В связи с усилившейся в последнее время *импотенденцией* и новой модой на *платонический секс*, лишѐнный чувственности, и даже на целомудрие, *сексофония* у коренных *глагов* большого интереса не вызывает.

Словоблудство уже не считается признаком хорошего тона, так что *простыдившимся* до тла *лингвопутанам* перед вступлением в законный брак после бурной жизни приходится долго *целомудриться* и *священнодеествовать* (совершать, сопровождаемый клятвами, обряд говорения о своей девственности) или даже проходить болезненную процедуру *рефлорации* – восстановления утраченной девственности. Вторая, в муках обрѐнная девственность этих *оцеломудрившихся*, но не потерявших накопленного в Л опыта, *рефлоранток* ценится специалистами гораздо выше первой.

В последний день каждого месяца в Л устраивают вечер поэзии, известный среди постоянных клиентов как *Ночь Длинных Хореев*. В зале, битком набитом затаившими дыхание *сексопродавцами* и туристами, возбуждѐнные, дышащие сразу всеми отверстиями своих тел, девушки в ослепительных *бюстдюльтерах* и миниюбочках из прозрачного *батерфляина* медленно и *выдохновенно* исполняют

стриптизповеди - читают нараспев собственные стихи о неразделённой любви. *Сладосластно* изгибаются до боли знакомые, *увлажнённолонные* тела. Качаются острые серпики воткнутого в виски чёрных волос.

В *прохорееных* (написанных по традиции пятистопным хореем) стихах отсутствие рифмы и смысла более чем компенсируется трепетной искренностью исполнения.

Раскрытые сборники этих поэтических опусов, отпечатанные голубыми кириллическими буквами на розовой, благоухающей бумаге, всегда лежат на тумбочках у постелей в каждой комнате для интеллигентных *клиентов-почитателей*, которые любят почитать, пока их обслуживают.

10. Благоландия.

На одной из окраин *Словгорода* расположен маленький, утопающий в зелени район *Благоландия*.

Жители *Благоландии* (*благолы* или *благ*) не жгут, но врачуют сердца. Здесь никто не держит зла. Его негде держать среди *благолов*. Хотя многие из них работают *радистами* (специалистами по доставлению радости) в городской госпещпсихбольнице, и там со зло-словием сталкиваются очень часто, но зло к ним не прилипает.

Врагов своих *благолы* возлюбить не могут, потому что нет у них врагов. Раскаянье им неведомо, и от этого они очень мучаются. Их *добро-та-ли-ещё* (?) давно стала притчей во всех глаголандских языцах.

Утром около девяти часов, когда первый *глаговест* проплывает в люльках высоких звонниц над *Словгородом*, в окнах белокаменных *благоландских* домов, вытянув длинные шеи, стоят неподвижно молодые женщины и слушают небо. Они верят, что одной из них суждено зачать от луча, который войдёт в её ухо. И скрипичные ключи дыма вылезают из труб, повисают вопросительными знаками над красными крышами.

Мимо них, поигрывая *лысайчиками*, зайчиками от своих внушительных лысин, и покачивая приветливыми улыбками, вдоль сверкающих росой газонов семят на службу в госпещпсихбольницу увешанные панацеями *благ*.

11. Медицина. Госпещпсихбольница.

Спещпсихбольница старейшее и наиболее уважаемое медицинское учреждение в стране. Она обслуживает не только коренное население, но и туристов, приезжающих под видом глаголов.

Глаголандская *протомедицина* (заговоры, ворожба, *прибормочечки* - заклинания против болезней) уходит своими корнями в глубокую древность, когда первые поселенцы (*глаголич*) из *Прязыковых Болот* переправились через

Родную Речку.

Позднее *душеведение* и исцеление словом стало главной частью официального *глаголианства* и его *Вербодицеи*.

Несмотря на враждебное фразеологическое окружение и издевательства, которые им приходится терпеть на работе, *глаги* болеют очень редко. Возможно, это объясняется интенсивным естественным отбором, который происходил в стране в течение последнего тысячелетия.

У входа в больницу гранитная *апофатическая колоннада*. Считается, что уникальный ритм чередования 33х чёрных колонн и светящихся пустот между ними оказывает целебное гармонизирующее действие на души входящих.

Из треугольного фронтона, над мерцающими алмазной сажей *гранитными буклями*, торчит свернувшаяся в круг каменная змея, поедающая собственный хвост, и внутри неё *Руссофеникс*, недавно воскресшая и исцелённая *госптица-карнизница* с золочёными огромными крыльями и двумя неотличимыми головами, всё время высматривающими кого бы клюнуть. *Глаги* верят, что каждую ночь головы меняются местами.

Под *Руссофениксом* в змее *выкурсено* красивым наклонным курсивом *Госпецпсихбольница*.

Пройдя вдоль чередования пустот *апофатической колоннады*, посетитель оказывается в фойе, стеклянный купол которого покрашен густо-синим и усыпан белыми взрывами звёзд.

Из купола спускается опутанный паутиной *молитвостих* в виде люстры, искресающей *мириарды* мутных, старинных *светулук-заклинаний* против всех возможных болезней.

Внизу под лучащимся шаром *молитвостиха* заросшая мхом деревянная будка. Подслеповатая *бдительница* в пуховом оренбургском платке круглые сутки вяжет стеклянными спицами электрический свет и, не отрываясь от вязания, кивает раскрытым удостоверениям проходящих *сестёр-целилок*, лучащихся *добропыхательством* лысых *душезнаек-благолов* и *опанацеянных* докторов филологии.

Рой невидимых инфекций кружится вокруг оренбургского платка.

Самой распространённой болезнью в стране является истощение души и асемантическая депрессия. Она появляется у *отвыкшихся*, избегающих себя, *десемиотизировавшихся*, не вошедших в язык глаголов-изгоев, которым кажется, что их не хотят употреблять, или что утеряна одна из их теней.

Как уже отмечалось, у обитателей страны имеется *две тени*: видимая, обозначаемая последовательностью букв, и слышимая, обозначаемая последовательностью звуков. (Единственными исключениями из *правила двоетения* являются *Глагологос*, слышимую тень которого все озвучивать

запрещается, и экзистенциальный инфинитив *есть*, у которого иногда исчезает видимая тень).

У здоровых глаголов настоящего времени большую часть работы делают за них словоформы-тени. *Самогонка*, погоня за собственной ускользающей тенью, и, даже недолгое, исчезновение одной из теней приводят к глубокой депрессии у *обезтенившегося* глагола.

Числительные глаголы (*числословы*) имеют три тени, одну слышимую и две видимых (изображаемых буквами или цифрами), и поэтому депрессия у *числословов* встречается гораздо реже.

Из более серьёзных болезней особо опасными являются патологическая *граммофобия* и *омонимическая шизофрения* - раздвоение, *двуэгость* глагольной личности.

Помимо них часто встречается *летрянка*, которая характеризуется неконтролируемым выделением букв по всему телу больного.

Нутропламенные гегемоны советского новояза часто впадают в *маразум*, когда ум их заходит за разум и остаётся там надолго, страдают манией величия-и-преследования и *революцинациями*, повторяющимися революционными галлюцинациями. С возрастом у них развивается так называемая *головная мзгла*, мгла в мозгу. Они начинают всё больше глючить, и сумеречное состояние их душ постепенно сменяется на полную *мзглу* и *маразум*.

Наблатыкавшиеся глаголы фени склонны к истерии. Многие *медицинники*, циничные врачи психбольницы, считают их симулянтами и отказываются лечить.

В прошлом веке в стране произошло несколько эпидемий *воспаления духа*. (Самой известной была так называемая *Великая Октябрьская Социалистическая Поллюция* 17 года). Эпидемии эти сопровождались приступами массовой эпилепсии, конвульсиями, *революцинациями*, кровопусканиями. *Злогика* классовой борьбы часто приводила к *руколепсии* (хронической болезни, сопровождающейся хлопками в ладоши в знак бессмысленного одобрения всего, что произошло, происходит и произойдёт). Полностью *размевшие* своё мнение, впавшие в *руколепсию* глаголы, десятилетиями не могли их неё выпасть. *Руколепсия* понемногу перерождалась в *этический аутизм* и кончалась *ментальным исходом* для большого количества *хаммо-советикусов*.

У *обезмузвившихся* поэтических глаголов ненависть к звучанию собственной тени иногда приводит к острому психозу. Кроме того у них встречается также *диакоррея* с жидкими, рифмованными хореем *версифекалиями* и параноидальная *стихастения*, для которой характерно ощущение бессилия, перемежающегося бредом навязчивых метафор.

Летрянка и *диакоррея* считаются очень заразными.

Большинство лекарств, используемых при *эготерапии*, относится к классу

активных *противоявий*. Мы упомянем здесь гиперболин (для лечения депрессии) и *метаморфий* (который очень эффективен при *омонимической шизофрении*). Принудительная трудотерапия (*Шизифов Труд*), широко использовавшаяся в старое время для лечения «вялотекущей» шизофрении, теперь почти не применяется.

Лекарства обычно вводятся внутривенно. Для поэтических глаголов перед введением *метаморфия* или *гиперболина* всегда выверяют (по хорю или по ямбу) пульс больного.

Так как в *Глаголандии* из соображений секретности наиболее важные сообщения передаются только телепатически, и расшифровка *телепатем* требует огромного умственного напряжения, в *Госпнепсихбольнице* имеется отделение *телепатологии* для лечения болезней, связанными с передачей мыслей на расстояние. Наиболее распространённой среди этих болезней является *энергетический телевампиризм*.

При лечении асемантической депрессии и десемантизации также весьма успешно применяется, разработанная местными *докторами-душистами*, четырёхступенчатая процедура, состоящая из *психорентгена* для выявления темных пятен и каверн в *преисподсознании* пациента – преисподней подсознания, обычно плотно затянутой многослойной рефлексией, *эгопальпирования преисподсознания* наводящими вопросами, *стихотерапии*, заучивания бессмысленных стихов для высветления соответствующих участков души, и *осемиочивания*, придавания дополнительного значения личности пациента.

После завершения *эгопальпирования* включаются *болемеры* – специальные приборы для измерения душевной боли. Как только *болемер* начинает зашкаливать, *стихотерапия* прекращается, и *душисты* переходят к интенсивному *осемиочиванию*.

В редких случаях, когда медикаментозные или психотерапевтические *противоявия* не дают желаемых результатов и требуется хирургическое вмешательство, больничные *хирурги-душеоператоры* проводят даже самые сложные операции на открытой душе без анестезии.

Кроме обычных *врачей-душистов* и *психоаналитиков-фрейдителей*, специализирующихся на душевных болезнях у *глагов*, в больнице работает также большое количество *докторов-плотников*, занимающихся лечением патологических глаголов, души которых *уплотнились*, превратились в плоть.

12. Университет.

Глаголандский Государственный Университ (ГГУ) занимает целый квартал вечно опоясанных электрическим светом зданий на набережной *Родной Речки*.

По утрам можно видеть, как в распахнутых настежь окнах ГГУ *импотезантные* профессора, задумчиво уставившись мысленным взором в *Болота*, слушают шум просодии, переливающийся серебристой чешуёю тонов. Пытаются угадать обертона. Их круглые головы мелко пульсируют. Так стоят они, *вмысливаясь* в просодию до глухоты, до первой вспышки смысла. И как только эти проблески появляются, сразу в творческом экстазе бросаются к столам их записывать.

Записанные вспышки становятся частью *Глаголандской Вербодицеи*. Глаголандцы верят в вечно живого, всё время усложняющегося Логоса, о котором словами ничего сказать нельзя. Поэтому священных книг в стране нет, и *Вербодицея*, апология Слова, которая составляется уже тысячу лет, это единственный текст, хотя и не читаемый, но почитаемый всеми.

Точное количество студентов в ГГУ оценить трудно, так как большинство из них заочники. Никто не знает сколько их, зачем и чему они учатся.

Кроме основных факультетов литературы, поэзии, церковно-славянского языка, грамматики и эзотерической граммософии, лексической социологии, семиотики и инстранных языков в последнее время были основаны кафедры *урбосемиотики*, *астролингвистики*, *археословия* и *ксенофени*.

Кафедра *астролингвистики* факультета иностранных языков занимается курсом звёздных текстов, расшифровкой посланий, заключенных в расположении звёзд, толкованием *стихозвездий*, трассирующих звёздных констелляций, навечно срифмованных в созвездья, и анализом их смыслообразующего потенциала.

Глаголандские *звездюки-астраллийцы* с неба звёзд не хватают, но всё же каждую ночь вычитывают в астрале что-нибудь новое. Целыми сутками не выходят они из своих обсерваторий, питаются исключительно космической энергией, входящей в них прямо с неба. При этом у многих *космопитающихся* развивается тяжёлая форма *астрита* – звёздной болезни, в результате которой они сами начинают считать себя звёздами первой величины.

Недавно на кафедре был подготовлен к печати первый в стране *Астролингвистический Гроссарий*, большой словарь-тезаурус *стихозвездий* и их толкований. В словаре более 1000 единиц звёздного неба.

На кафедре *археословия* Доктора Филологии рассусоливают древнее *руссословие*, изучают *археоявствоведение* – явствование, быт и умоначертание старинных слов *Глагоруссии*.

В архивах кафедры *сутевики-анналисты* анализируют суть анналов берестяных *славянофилькиных* грамот и утерянных рукописей, пытаются их *приБоянить*, приписать легендарному певцу Бояну или кому-нибудь ещё.

Кафедральные *Далеvedы* выискивают своих *Дальних* родственников в Словаре Даля.

В потаённых урочищах *Леса Тёмных Метафор* *нелепобязующие*, похожие на подгнивших моховичков, *профессора* – *кирилицеционеры*, их *глаголицы-*

ассистентки вместе с выводками желторотых студентов целыми днями роются в словесной подпочве родного языка, собирая по зёрнышку, по буковке прогнившие части речи прошедшего времени, чтобы сохранить предание отеческое.

Отделение сравнительной *ксенофени* занимается сравнительным анализом ненормативной лексики иностранных языков. Специальность эта, которая совсем ещё недавно была всем до фени, становится весьма популярной из-за растущих связей между братвой и иностранными мафиями. Выпускницы отделения *ксенофени* легко находят любовно-секретарскую работу русских или в международных торговых фирмах.

Исследования по воскрешению *глагов* проводятся в Лаборатории имени Хлебникова при кафедре лексической социологии. В отличие от аналогичных исследований, начатых в России ещё в конце 19 века Н.В. Федоровым, работы глаголандских учёных в этой области оказались весьма продуктивными.

Основные помещения лаборатории и хранилище прообразов ещё *неуестествлённых* слов и *протоэйдосов* вместе с их *коллюзиями* ассонансных аллитераций находятся глубоко под землёй.

Там, в залитых голым электрическим светом огромных комнатах хмурые *скорняки*, увешанные обрезками мёртвых слов, выкраивают несуществующие глаголы с помощью хлебниковских ножниц-скорнений и трением буквы о букву пытаются высечь в них искры жизни.

Одухотворцы-неологи выращивают в окутанных клубами фиолетового пара *нутробах* изогнутых реторт и пузатых колб зародышей новых глаголандцев. Возбуждённо облизывая саблезубые рты, подмешивают в кипящее варево щепотки шипящих согласных. Пульсируют от напряжения неровные белые проборы на их головах.

Из углов, затаив дыхание, наблюдают за процедурой стаи голых чёртиков.

Длинные, качающиеся пуповины тянутся из реторт и колб к урчащим приводными ремнями филологическим машинам. Между пуповинами носятся, бесшумно наталкиваясь друг на друга, флюиды.

Клочки взбухающей плоти понемногу *ословотворяются* в сморщенные *утробыши* с нежными раздутыми головами и лукавыми неподвижными личиками. Они растут на глазах, умиротворённо сложив ручонки на животе, но очень быстро почти все погибают - и те нетерпеливые, кто сами перегрызают себе пуповину, и те, кто дожидаются, когда их пуповину перережет ножницами скорнений лабораторный *повитух*.

Безначальнозаконченность этих опытов (когда ничего ещё не начинается после того как всё уже закончилось) не мешает оглохшим на душу *неологам* каждое утро снова и с ещё большим азартом начинать свои эксперименты.

Коридоры университета украшены концептуальными инсталляциями из редких метафор и семиотическими фресками, подсвечены соответствующими контекстами. На самой большой из них глаголандская *лексиконница* на рысях и с рифмами наперевес врзается в чёрную толпу рыцарей *ксенофени*.

Вдоль стен мраморные бюсты богоизбранных *филоилтян*, эзотерических лексикологов, почётных языководов и грамматиков.

По коридорам, прижимая к плоским грудям пухлые папки, порхают стайками *всхлипывающие лексички* и *одиноковые филофилки* с очень нервными окончаниями, подающие (всем) надежды *инспирантки* со сверкающими *лоптонками* под мышками, *эгастые* волосатолицы студеозусы в разорванных джинсах, из которых выпирает мужское. Перебрасываются для вящей лингвистичности *отмыслами*, многозначительными оттенками здравого смысла. Показывают друг другу (русский) язык.

Иногда во время *междуречья* можно услышать популярное здесь заклинание-ругательство *филфакью*. Заклинание это обычно грамматически и семантически изолировано от *отмыслов* и произносится в изъявительном наклонении как констатация факта.

Во дворе ГГУ расположен экспериментальный *Огород Неизящной Словесности*, где пучатся из густо унавоженной почвы последние плоды университетского просвещения.

Посредине Огорода, как чучело, стоит в зелёной шляпе со страусовыми перьями и пиджаке наизнанку *дальновидный* (видный издалека), колченогий Оксиморон для отпугивания любопытных и рядом с ним университетская *солнцевзбивалка* – специальная ветряная мельница для взбивания из воздуха солнечной пены.

На носу у Оксиморона массивные ореховые очки, пластмассовые волосы густо напудрены. Виски мерцают плесенью. Из открытого рта торчит записка. В вытянутой левой руке сияющая *гелиоикебана* – тщательно подобранный букет солнечных лучей. (Эта *гелиоикебана* является также центральной частью университетского герба).

На одной из грядок *филофилки*, с опаской поглядывая на Оксиморона, проводят эксперименты по глубинному *каламбурению* и добыче полезных ископаемых из словесной подпочвы *Глаголандии*. (Чаще всего, когда *каламбурение* достигает определённой глубины, из скважины начинает бить фонтан грязи).

По вечерам *пожил-ой* (ой, как долго пожил!) *Огородоблюстителю* в засаленном халате и солдатских сапогах, поблескивая финским ножом за голенищем, прохаживается между грядок. *Морцинопись* на его пергаментных щёках словно древний текст на утерянном языке. (Один из профессоров с кафедры *археословия* утверждает, что прочёл этот текст, и он оказался записанной *морцинописью* молитвой главному языческому *словобогу Дид-Дун-Глагу*, но остальные профессора с ним не согласны).

Пожил-ой вытирает пыль с Оксиморона, меняет записку во рту, тщательно поправляет *гелиоикебану*, вырывает выросшие за ночь на грядках ядовитые буквицы. Потом вынимает из *солнцевзбивалки* цинковое ведро с накопившейся за день солнечной пеной и удобряет ею на глазах созревающие в грядках плоды просвещения.

После десяти часов вечера научная жизнь в ГГУ замирает. Луна всплывает на волнах *Родной Речки*. Жёлтые отблески её медленно полощутся в чёрных

зеркалах ГГУшных окон. Только на самом верхнем этаже ещё светятся огоньки. Здесь в узких кельях-дормиториях, покуривая *трын-траву Мари-Хуану Каннабис*, оттягиваются студиязусы. Лениво штудируют *истомых* вокабул, готовятся к завтрашним занятиям.

13. Грамматическая Служба. Суды. Тюрьмы.

Для борьбы с преступностью в *Глаголандии* существует специальная *Грамматическая Служба*.

Самыми распространёнными преступлениями в стране являются *граммофобия*, злостные нарушения грамматических законов, *филоложные* духовные происки, намеренное искажение смысла, кража и присвоение имён. Встречаются также *плагиавторство* (представление чужого своим, по отношению к поэтическим глаголам употребляется также термин *метемстихоз* – переселение чужих стихов в свои) и *защитачивание* (представление своего чужим).

Из более серьёзных преступлений следует отметить *словарьварство*, варварское отношение к государственным словарям-тезаурусам, приводящее к нанесению ущерба их содержанию или даже к их полному уничтожению.

Крайне редко встречаются случаи преднамеренного *вербоцида* (словоубийства).

На работу в *Граммслужбе* отбирают только *правословных* переходных глаголов действия, причём самого совершенного вида. У большинства из них симметричные, *пропалиндромированные* тени. Между собой они говорят без слов, а с подследственными – как и положено по должности - изъясняются всегда в повелительном наклонении и в винительном падеже. (Остальные жители в стране общаются между собой в основном в наклонении сослагательном).

Дознание и суд проводятся в специальном кубической формы здании с прозрачными стенами, расположенном у самого края *Леса Тёмных Метафор*.

На ступенях у входа в здание гранитная статуя *Судьбабы* – коренастой, *долбоятельной* женщины из простонародья, олицетворяющей одновременно суд и судьбу. Глаза *Судьбабы* завязаны тряпкой. Каменные трусы приспущены до колен. В мощной руке маленькие, почти незаметные весы. В другой меч с зубринами.

Дорога, которая сюда ведёт, уставлена бетонными знаками препинания, так что идущим на суд приходится всё время приспосабливаться, менять направление, но в самом здании нет ни единой изогнутой линии.

Правосудие правых - прозрачно, неизбежно и прямолинейно!

В народе *Дом Граммслужбы* известен как *Большой Дом Досвиданий*. Тут после суда и перед отправкой в тюрьму осуждённые надолго прощаются с родственниками.

Тюрьма находится в подземных этажах того же *Большого Дома*. Специальный этаж отведён для *умозаключённых*, которых начальство всё время

держит в уме. Большую часть времени они проводят за писанием стихов. Стихи обычно являются *ламендикциями* и *версификациями*, жалобническим нанизыванием на рифму цитат из изречений *Глагологосов* и *Аттрибов*.

Отпустив себя на *рифмотёк*, целыми днями сочиняют они *государственным анапестом* бесконечные *версифицирующие* оды и кантаты, которые при выходе сдают в тюремное *утильстихье*. Затем *Спецпоэты* *Граммслужбы* под наблюдением начальства проводят вторичную переработку *утильстихья* на слова народных песен.

Песни эти впоследствии делают очень популярными и включают в школьные программы для *анапестования* учеников младших классов.

Офицеры Отдела Дознания *Граммслужбы* («*зачищатели глагольных душ*») ходят на работу в двубортных хитиновых пиджаках с синими ромбовидными значками на груди и в чёрных брюках с белыми узкими лампасами. Внутри значков мерцает золотом *буквально* оскаленная на допрашиваемых *Буква Закона «Б!*».

Допросы обычно начинаются с того, что *зачищатели* умело *лампасят* часами *голодушиного* обвиняемого, бегают мелкими шажками вокруг него, зачищают его голую душу лезвиями своих сверкающих острых лампас.

Потом вступают в дело *ассоциаторы* – специальные *лентопротяжно-туфтогонные* аппараты для вытяжки ассоциаций. Ассоциации эти используются *зачищателями*, чтобы *словчить* – словить, поймать подследственного на слове, которое потом будет использоваться в качестве улики на суде.

Слушание дел и определение мер наказания в Верховном (и единственном) Суде *Глаголандии* проводится 4мя судьями по одному из каждой *Строк Совета Второй Строфы*. Судьи ежегодно назначаются *Глагологосом*. Все решения в Суде принимаются единогласно. Приговор обвиняемым не сообщается.

Сроки наказания колеблются от 15 суток тюрьмы за *плагиаторство* и *защитачивание* до 15 лет высылки на *душеповал* на дальние окраины *Леса Тёмных Метафор* за *вербоцид*.

До тех пор пока осуждённый находится в тюрьме, имя его запрещается произносить.

После отбытия наказания его выводят на чистую воду *Родной Речки*, где он, стоя по колено в животворящем потоке, должен в страдательном залоге совершить публичное покаяние. *Глагологос*, положив униженные чёрными перстнями руки ему на голову, произносит формулу прощения, и только после этого он снова становится свободным.

14. Глаголандские Сны.

Глаголандия славится неповторимыми снами своих обитателей. Особо почитаются цветные сны *Глагологоса* и его *Аттрибов*, которым придаётся пророческий смысл. Когда кто-нибудь из них видит цветной сон, его тщательно

обсуждают в *Совете Второй Строфы*, и результаты анализа немедленно публикуют во всех газетах.

Для каждого *Ясновидящего*, сновидящего Я, глаголандца *Проспанная Треть* – самая важная часть его жизни, ибо глаголандцы видят наяву то, что им снится..

Границы между снами и явью в стране полностью размыты, и явь *Проспанной Трети* неотличима от снов двух остальных третей, так что *глаги* часто не знают, в какой из третей они находятся сейчас. В океане сна всегда видны где-то на горизонте маленькие *явьки*, а острые, застрявшие в чувствительной глагольей душе *оснолки* целыми днями царапают изнутри пробудившихся в *Большую Явь*.

Часто сон наваливается на *глага* в самое неподходящее время, например, когда жена раздевается, за минуту до того, как плюхнуться к нему в постель.

Среди *присностихующих* поэтических *глагов* считается, что по настоящему они бодрствуют только внутри своих снов. Только осуществив *рокировку Яви и Сна*, только в жизни вне тела у полностью *осомнамбулировавшихся* поэтов возникают *онейроматические словидения*, которые и есть настоящая поэзия. Суть всегда вне Яви. Поэтому большие глаголандские поэты живут почти не просыпаясь. Их жизни, напоминают матрёшки из снов, и в этих *сомнатрёшках* вещество сна всё более истончается и внутри каждого сна всегда новый и еще более поэтический сон. Недремлющие ученики *присностихующих* переводят эти сны на язык слов.

Сноследствия, последствия от произошедшего во сне, определяют каждое утро в *Большой Яви*.

Сомнамбулический *глаго*, закемаривший вечером в *Лупонарии* и выпивший во сне пару лишних бутылок водки, просыпается с жуткой изжогой в душе и полностью утраченной памятью. Ему приходится часами тыкаться своими *вопросонками* в голую хихикающую девчонку, почему-то лежащую рядом, чтобы узнать, кто он и как сюда попал.

С другой стороны *присновидящим глагам* часто удаётся обдѣлывать свои *явные* делишки в *Проспанной Трети*. Так нищий *словелас*, умело *приснив* себя какой-нибудь недоступной красавице-*силлабе*, совершает с ней удивительные сексуальные подвиги, о которых она и не догадается (или делает вид, что не догадывается).

На следующий день, когда они (не совсем случайно) встречаются в Парке, и он, лихорадочно прокручивая сны свои назад, *несуловно* бормочет, что «ему *выяснились*» - снились вы и я – она вспыхивает и брезгливо прищуривается. Проводит крест-накрест взглядом у него внизу живота и быстро уходит.

И снова *Большая Явь* сгущается вокруг.

После-Словие.

Поздно ночью, когда над *Словгородом* уже зажглась вылощенная лунным светом *крестососковая купологрудь Собора Св. Грамматики* с прижавшимися к ней *куполями*, и сонмы *бессновидческих* снов, так и ненашедших своих сновидцев, плывут цветными пузырями над *крышиным антенником* словгородских домов, наталкиваясь друг на друга и лопаясь, появляется *Хранитель Глаголандии*.

Он обходит страну, заботливо осматривает каждое спящее слово. Напеваёт колыбельную, отгоняет неприятные сны и, выходя из дома, одним движением взгляда завязывает в широкий бант дым над его трубою.

Закончив *дымобантирование*, Он поднимается в небо. Уверенными движениями поправляет немного перекосившуюся на бок луну, протирает звёзды влажною тряпкою тучи, выжимает её дождём на *Пряязыковые Болота*, вывешивает тучу на просушку и, придирчиво осмотрев свою работу, укутывает страну на ночь звёздным покрывалом.

Уже перед самым рассветом Он отворяет невидимую дверцу на самом краю небосвода. Аккуратно сложив намокшие крылья, улыбается кому-то наверху и уходит на Другую Сторону.

Примечания.

Часть однословий настоящего Путеводителя взята из Толкового Орфоэпического Словаря Г. Марка, содержащего примерно 1250 единиц.

Полный текст второго издания Словаря (2007г.) можно найти на <http://grigomark.tripod.com>.

Около 250 единиц Словаря были напечатаны в журнале "Контекст", №9, 2003.

Критический анализ первого издания появился в работе М. Эпштейна "Однословие как Литературный Жанр", Разделы 5-6, Континет, 104, стр. 279-313, а также в М. Эпштейн, *Знак Пробега*, Новое Литературное Обозрение, Москва, 2004, стр. 274-304. Автор пользуется случаем выразить ему глубокую благодарность.

Г. Марк, 2007, Бостон, США.